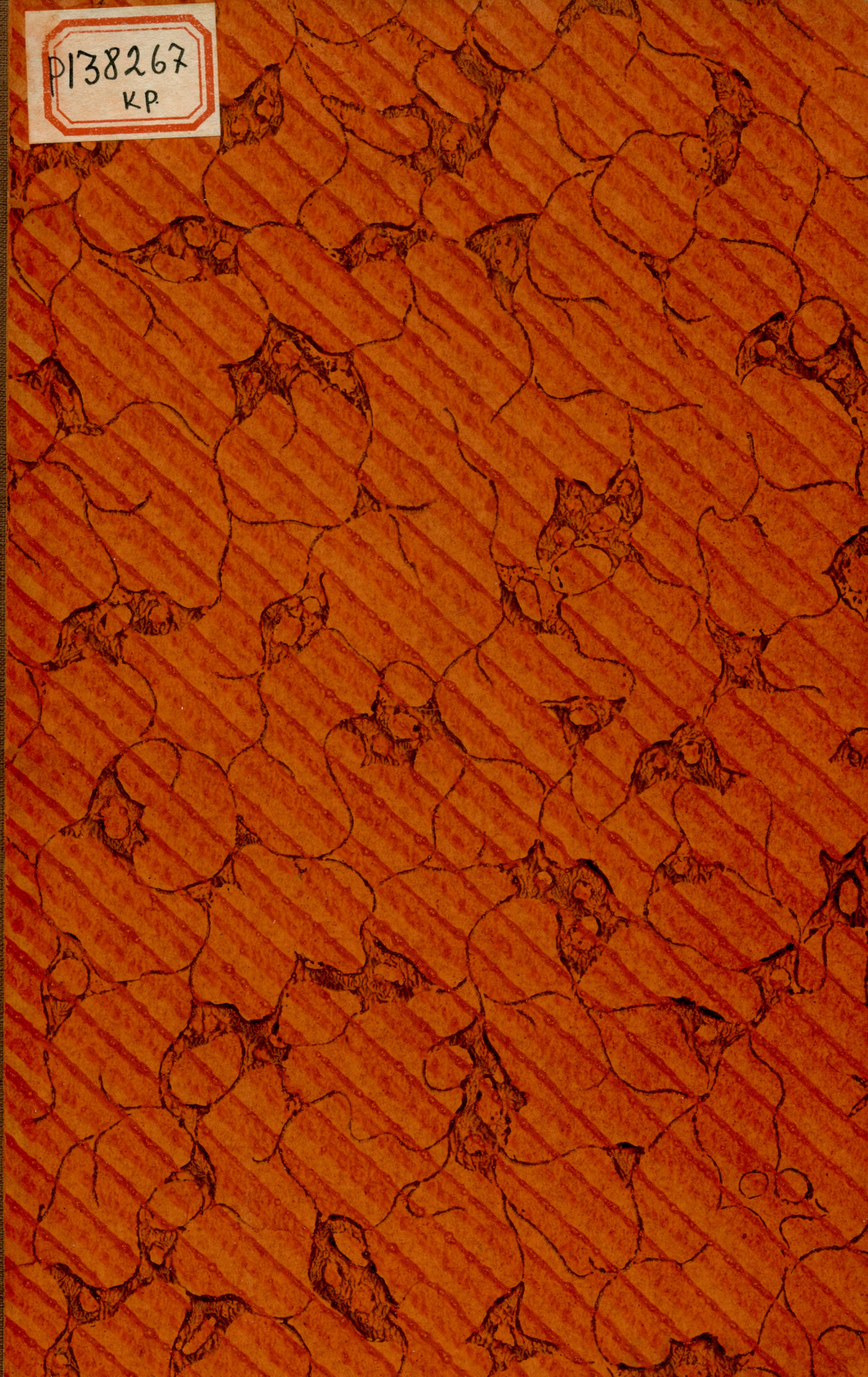

P138267
KP

91(c) 124

Л-55

138267

Ф. Ю. ЛИБЛИКМАН

ИЗ БЫТА ЛЕЖИ

Краеведческий фельетон

Издание Вологодского Общества Изучения Сев. Края

ВОЛОГДА

1928

Оттиск из журнала „СЕВЕР“, № 7 — 8

Из быта Лежи.

(Краеведческий фельетон).

Ферд. Либликман.

По берегам реки Лежи¹⁾ и ее притоков — речушек раскинуты деревни, образующие Лежскую волость. Эти деревни небольшие, всего лишь 40—50 дворов в каждой. Архитектура своеобразная и древняя. Дома в большем количестве двухэтажные, объем громадный, но жить в них тесно. Для жилья обыкновенно приспособляется незначительная часть здания, а наибольшая остается свободной, незанятой. Летом занимается верхний этаж, а зимой — нижний.

Рядом с такими большими двухэтажными домами можно встретить маленькие четырехугольные избушки, так называемые бобыльские, принадлежащие беднякам, не имеющим ни лошади, ни коровы. В этих избушках еще теснее. Если у хозяина имеются куры или поросята, то последние зимой „квартируют“ под русской печкой. От этого воздух в доме постоянно пронизан сыростью, тяжелым и противным запахом.

Внешний вид угрюмый и скучный. Дома молчаливо выглядят из постоянно насыщенной сыростью и малопрозрачной дали. Глухота в пространстве.

Осенью и весной грязь непролазная, и тогда жители дальше своей деревни не отлучаются. Лежанка и полати — главное место, где сосредоточивается вся жизнь деревни. И если неотложное дело вынуждает посетить город или соседнюю деревню, то поездка совершается на „навознице“ или верхом на лошади.

Лежские жители не без интереса относятся к вопросу о том, когда и каким образом заселялись их земли. Тем более, что быт и нравы лежских жителей больше, чем у других, имеют свои характерные особенности. Сохранилось много древнего и своеобразного. Добродушие чередуется с кровожадностью и дикостью. Советская культура и советское воспитание, новая жизнь и новый быт задела лежский край. Но чувствуется, что перед могучим и решительным натиском нового шаг за шагом отступает старое.

О заселении лежских земель существуют разные предания, мнения и предположения.

Одни доказывают, что по Буйско-Грязовецкому тракту, проходившему когда-то через дремучий лес — „волок“, встарину совершались беспрерывные нападения и грабежи разбойников, живущих в водоразделе реки Лежи с ее притоком Сеньгой и реки Монзы, впадающей в Кострому — приток Волги. Эти разбойники и должны были заняться земледелием и впоследствии заселить Лежские земли.

По утверждению других, в прошлые столетия во время никоновского церковного раскола в район реки Лежи переселились раскольники. Почва здесь была плохая, не заманивала помещиков, и земля осталась

¹⁾ Р. Лежа — приток р. Вологды, впадающий в р. Сухону.

в руках казны, а использовали ее в виде лесных полян, в первый период—без ведома казны, раскольники. Последние не имели никакой связи с внешним миром, и с течением времени создалось самостоятельное общество, с своеобразными нравами и бытом.

Так или иначе, но весь край издавна славится поножевиной, убийствами и хулиганством, вкоренившимися в быт, обряд и обыденную жизнь. Если при трезвом состоянии лежский крестьянин спокоен и добродушен, то совершенно другое мы видим, когда он нетрезв. Добродушный и спокойный характер превращается в самый буйный, зверский и кровожадный; убивают друг друга беспощадно и иногда без всякой злобы, а так, „спроста“. По вычислению местных судебных работников, здесь с 1880 по 1914 год ежегодно в среднем зарезывалось до смерти более 40 человек. За 35 лет 1400 убийств!—Ведь это неслыханный разбой при мирной жизни населения!—Значит, десятки тысяч получили ранения, ибо значительное большинство ранений своим последствием имеют несмертельный исход.

В начале империалистической войны, с закрытием казенки, лежская бойня значительно сократилась. Количество убийств снизилось с сорока до пяти—в 1913 году. И снова начинает увеличиваться с изобретением выгонки самогона. Жертвы военных действий, особенно гражданской войны, оказались менее чувствительными, чем „внутренний фронт“, так как лежан погибло в империалистической войне около 200 человек, и в гражданской—до 60.

В годы гражданской войны, когда с самогоном и хулиганством велась решительная борьба, драки и убийства на Леже значительно уменьшились. Но, как только кончается борьба на фронтах, страна приступает к мирному строительству, появляются крепкие напитки, и ослабляется карательная политика, снова увеличивается число убийств. Тем более, что во время революции в волюсть навезли много револьверов, которые находят себе применение во время драк.

По данным народного следователя ¹⁾, число убийств в 1923 г. дошло до 49, из коих 11 были совершены в трезвом состоянии, а остальные 38—в состоянии опьянения. В 1924 г.—29 случаев убийства: 10 совершены в трезвом состоянии и 19—в пьяном виде. За 9 мес. 1925 г. имеем всего 14 убийств. Из них одно только—в трезвом состоянии. Кроме убийств, мы имеем еще случаи покушения на убийство и телесные повреждения, не имевшие смертельного исхода. Таких случаев имеется: в 1923 г.—53, в 1924 г.—39 и за 9 мес. 1925 г.—41. Это только те случаи, которые прошли через нарследователя, но о десятках, сотнях случаев легкого и среднего поранения судебно-следственным работникам не заявлено, нигде не зарегистрировано, и о них никакого учета не имеется.

За три года имеются пять случаев детоубийства и два случая самоубийства.

Большинство убийств совершено на свадьбах, посиденках, винопитии, деревенских собраниях и т. п. Значительное число убийств совершено во время церковных праздников, когда часто драки носят массовый характер. Вдобавок, всякие счеты сводятся в пьяном виде, и потому все праздники, во время коих в течение нескольких дней идет беспробудное пьянство, являются лучшим моментом расплаты. Бывали случаи, что

¹⁾ Доклад нарследователя т. Филимонова за 1923—25 г.г. (январь 1923—октябрь 1925 г.), представленный в Губсуд (находится в архиве Губсуда).

после местного праздника приходилось вскрывать до 3—5 трупов, а то и более. В 1923 году это число дошло до 16.

По сравнению с 1923 годом в последующие годы—1924 и 1925,—как видно, количество убийств заметно уменьшилось. Объясняется это тем, что в 1924 г. местные работники предприняли решительные меры борьбы с самогоном, и в соответствии с этими мерами уменьшаются убийства, в 1926 г.—снова подъем, и уже в первые три месяца число убийств дошло до 20, а в местную Сидоровскую больницу обращалось с тяжелыми ранами 201 чел. Значительное количество раненых из деревень, расположенных ближе к городу Грязовцу, обращалось непосредственно в Грязовецкую больницу. Большинство же раненых, имевших не особо опасные раны, в больницы не обращалось и продолжало лечиться домашним способом.

Убийство у лежан—старинное, бытовое явление, и к нему кровно привыкло все население. Убить человека, по местной поговорке, „меньше греха, чем похлевать в постный день молока“.

Кутеж, драка и ножи—одно целое, неразрывное. Убийство превращается в особую местную славу. Кто смелее и больше убьет, тот пользуется большим уважением и выступает в роли советника:

Братька, кути,
Кого надо—колоти;
У нас ножи аршинные,
Зарежем девяти.

После войны в помощь ножам появились наганы, которые держатся в резерве и используются только в том случае, если неудачны операции с ножами:

Заряженные наганчики,
Молодчики у нас,
Двухсторонние кинжальчики
Запутаем в кишках.

Разумеется, беда тому, кто попадает в такую переделку. Только случайность может спасти:

Ой! Били, колотили
В чистом поле на крестах,
Всю изрезали головушку
В семнадцати местах.

Масса убийств совершается просто без всяких причин, „по дурости характера“, как это явление оправдывают сами здешние крестьяне.—Ножовые раны человеку наносятся из-за сущих пустяков, из „любви к искусству“.

Закаленным „в боях“ ничего не страшно, их ничто не пугает. Даже тюрьма и высылка для них—родные места:

Без ножей ходить не будем,
Без камня—никогда.
Дальше солнца не угонят,
Сибирь—наша сторона.

В деревне Ревякине в 1923 г. крестьянин пришел к другому в гости. Хозяйка принесла на стол пирог с рыбой и поставила бутылку рядом. Во время еды, выпив по чашке, хозяин и гость одновременно хотели

взять один и тот же кусок пирога. Начался спор: хозяин тянет к себе, гость — к себе. В результате гость зарезал хозяина до смерти.

Другой случай. В 1924 г. в деревне Панкратове, на пасеке, к хозяину пришли знакомые, и, когда за столом один другому налил в чай молоко, последний заявил, что тот налил ему мало пенек. Первый стал доказывать, что достаточно. Спор разгорелся, и один нанес другому удар ножом в сердце.

В 1926 г. два крестьянина из дер. Колабукина в городе Грязовце купили рыбу и поехали в Костромскую губернию продавать ее. После удачной торговли они опять вместе возвращались домой. В деревне Витальеве они решили сделать остановку и поделить барыши. Во время подсчета ими в комнате выручки, на дворе мальчишки открыли бочки и растащили часть оставшейся рыбы. Первый вышедший из комнаты крестьянин, заметив убыль рыбы в бочке, начал обвинять другого в тайной продаже его рыбы. Второй усиленно возражал. Дело кончилось нанесением одним другому ножом трех тяжелых ран.

После нанесения ран и перевязки виновный просил потерпевшего по приезде домой о драке ни слова не говорить, а наличие ран объяснить нападением на дороге разбойников. За молчание обещано было отработать несколько дней. Потерпевший согласился и на деле выполнил свое обещание. Виновник же сам не скрывал случившегося факта, а, наоборот, по приезде в деревню еще хвастался перед всеми в том, что не разбойники, а он ранил:

«А кто же другой? Конечно, я его пырнул!» — заявил он с полной гордостью.

Аналогичных случаев можно привести сотни.

По праздникам принято ходить по дворам гурьбой, всей деревней. Хозяйка каждого дома при появлении такой толпы накрывает стол с выпивкой и закусками и в то же время прячет ножи и топоры. Но, на самом деле, эта предупредительная мера играет маловажную роль, ибо большинство мужчин носят ножи при себе на ремне или за голенищем. И если в таких случаях возникает драка, то в ней участвуют все присутствующие, а в результате будут и убитые, не говоря уже о раненых. Бывают и такие праздники, правда, редко, которые проходят без драки. В таких случаях добродушное отношение проявляется не только к своим, к знакомым, а также и к незнакомым, проезжим. Приведу один пример такого добродушия. Большеколотилинские крестьяне в 1925 г. местный праздник „весеннего Николы“ праздновали три дня. Три дня ходили из дома в дом, пировали и пьянствовали. В первый день праздника через деревню прошел неизвестный гражданин. Увидя празднество, он решил тоже присоединиться. Попытка увенчалась успехом. Все крестьяне отнеслись к нему, как к хорошему знакомому, непрерывно угощали выпивкой, обнимались и целовались. Только на четвертый день, когда праздник прошел, крестьяне с удивлением задавали вопрос:

„Чей это мальй? Откуда он?“

Посмеялись, похмелились, и незнакомец отправился дальше. Так и не узнали, откуда „мальй“. Это бывает только при хорошем, мирном настроении.

До революции бывало часто, что молодежь, отправляясь из деревни в деревню, предварительно решает, какие хулиганские проступки она должна осуществить в пути следования. Чаще всего практиковалось: „зарезать первого попавшегося“. В таких случаях попадало не только первому, а и всем встречным. По пути не щадили никого и ничего.

Плохо тому, кто призывает хулиганов к порядку или скажет слово против их действий:

Папиросочки закурим,
Вдоль деревнюшки пройдем, —
Мужики заматюкают...
Мы деревнюшку сожжем.

Значит, хулиганы готовы не только убивать, а в любую минуту и целую деревню зажечь. Пострадать может не только отдельная личность, а и все общество.

Так смело и зверски поступают старые, опытные, профессиональные хулиганы. Но, кроме них, как руководителей, прошедших „все огни, воды и медные трубы“, имеются молодые, подрастающие, еще неопытные хулиганы или „хулиганье“, как их называют сами местные жители. Эта категория еще изучает дело. Она еще труслива и проявляет боязнь, но уже в крови — страсть к хулиганству:

Хорошо бы рамы бить, —
Худо в камерах сидеть;
Я по раме батогом —
Из деревни сам бегом.

Страх этот вызывается, разумеется, не чувством сознания, а исключительно боязнью попасть в исправдом, где живется не так вольно, как в деревне:

Колотили, да и думали:
Ох, что-то будет нам?
А тепере наши головы
За каменным стенам.

У опытных, более старых, эти каменные стены никакого особенного чувства не вызывают. И если им приходится попасть туда, то к этому они относятся вполне равнодушно и безразлично, как к обыкновенному явлению. Попавший только покачает головой и остается доволен своим положением.

Вообще хулиганы никого не боятся и еще недавно с гордостью пели:

Вологодская тюрьма
Просит украшения.
На меня, на молодца,
Двадцать два прошения.

Спутником убийства и хулиганства является взяточничество. В середине и конце прошлого столетия взяточничество самодержавных чиновников и полицейских было развито до высших пределов. Взятку принимали открыто по определенной таксе и на нее смотрели, как на обычное, вполне жизненное и необходимое явление. Если, например, в деревне полиция обнаруживала труп, то она обычно составляла протокол и заводила судебное дело. Население же данной деревни, чтобы прекратить ход дела, собирало по рублю с дымоходной трубы и всю сумму, завернув ее в чистое белое полотенце, подносило становому или судье. Последние правильность числа дымоходных труб в деревне проверяли путем выезда на место или по данным волостного правления.

Но, чтобы не нести расхода за обнаруженный труп по всему краю, было принято при убийстве труп убитого из этой деревни тайком переправлять в соседнюю, а последняя по обнаружении трупа переправляла его дальше, до следующей деревни и т. д. Делалось это организованно, с участием всего населения деревни. Все это совершалось тайком, но знала вся деревня.

До революции, кроме открытых взяток, широко было принято административно-должностными лицами ездить в волость „на прокорм“. Такой общепринятый обычай, разумеется, отталкивающе влиял на население, и последнее предпочитало обходиться без вмешательства администрации.

При убийстве кого-либо в деревне никто не заявлял государственным властям, а родственники откладывали возмещение виновному до удобного случая,—тоже через убийство. Словом, государственных чиновников избегали, и все дела решались своим судом. Даже и в последнее время в милицию или в советы, по вопросам, связанным с дракой, обращаются в редких случаях,—только при убийствах. Чувство мести при „случае“ продолжает жить и доныне. Это старинное чувство мести за близких убитых удачно высказано в частушке:

Братька, режь, кого попало,
Кроме брата своего:
Старший брат лежит в могиле,—
Будем резать за него.

Такое развитие хулиганства в Лежском районе объяснимо как следствие прошлого. Но значительная вина падает и на сельсоветы, вол-исполкомы и милицию, не принимающих достаточно решительных мер в борьбе с этим злом. Последние в надежде, что все обойдется благополучно, временами проявляли свое чрезмерное добродушие и не прочь были оказать преступникам братскую милость. А хулиганы тоже не отказывались от использования этого теплого отношения:

Братька, режь кого попало,
Нам не сделают вреда:
За бутылку перегона
Не осудят никогда.

„Перегон“ имеет большую силу. В мозгах местных должностных лиц воскресают дружеские чувства, забывается преступность, и к хулиганам относятся снисходительно.

Над такими блюстителями порядка смеются все крестьяне, смеется и сам хулиган:

Бога нет, царя не надо,
Всю милицию в карман;
Так и пьяниц-коммунистов
Всех за гривенник продам.

Это положение подтверждают и цифры о должностных преступлениях: в 1923 г. их было зафиксировано нарследователем 38, в 24 г.—32. Понятно, что сверх этих, учтенных следствием, многие должностные преступления остались нераскрытыми.

Но за последние годы это зло начинает заметно изживатьсь.

Двигателем дикой страсти и буйства является самогон. Он широко в обиходе и в последнее время. Самогон варится первосортный и крепкий, словом, для опытного потребителя:

Самогоночка крепка,
Чашки разъедает.
Распроклятая любовь
Красы не разбирает.

Есть крестьяне и даже целые деревни, которые в течение ряда лет ни одного дня не проводили трезво. Пьют взрослые, пьют молодые, и пьют женщины. От этого последние делаются веселы и „доступны“, что особенно нравится кутежникам:

Самогоночку гнала,
Самогоночку пила,
С самогона девушка
Веселая была.

Многие родители даже насильно заставляют детей пить с малолетства. Сперва противно, горько, и „больно запах нехорош“, а там войдет в привычку, и в результате вырастает новое поколение, неизменно шагающее по отцовским следам. Но оно начинает уже осознавать и то разорение, которое приносит самогон:

Самогонку пить не будем,
Больно запах не хорош.
Из амбара полетела
У отца родного рожь.

Большинство лежских частушек говорит о драке, ножах и убийствах, пьянстве и хулиганстве. Идеология местной молодежи глубоко проникнута этими исстари внедрившимися бытовыми явлениями. Частушек, отражающих культурно-просветительную работу и производственные процессы, мало. Они возникают только в последнее время:

Как у Вохтожской ячейки
Ни журнала, ни копейки;
А у Раменской читальни
И газеты и журналы.

За последние годы у молодежи значительно изменилось отношение к религии, она зорко, внимательно следит за действиями духовенства:

В церкви, золотом облитой,
Пред оборванной толпой,
Проповедывал народу
Поп в одежде парчевой.

Крестьянин считает, что поп и церковь его ограбили и продолжают грабить и сейчас. В церкви—золото, поп—в одежде парчевой, а крестьяне, создатели этого богатства,—оборванные стоят на коленях, терпеливо слушая назойливую речь попа о приношениях для „спасения души“. Медленно, но твердо, начало пробуждаться сознание крестьянина. Он задумался.

Революция в корне изменила отношение его к попу, богу и святым.

Нам в попах нужды не стало,
И без них теперь права.
Без подарочков запишут
В исполкоме у стола.

Все святые загуляли—
Видно бога дома нет:
Бог уехал за границу,
Не приедет сорок лет.

Ты играй, играй, трехрядка,
Против бога и попов.
Скоро на небо залезем,
Раскидаем всех богов.

Эта же мысль начинает пробиваться и в отношениях к церковным праздникам.

По инициативе секретаря Леждомского ¹⁾ (одного из самых отсталых уголков Лежского района) сельсовета, т. Карпова (беспартийный), работающего в сельсовете почти с первых дней революции, решено было в начале апреля 1925 г., т.-е. до начала полевых работ, провести по всем деревням района агитационную кампанию против празднования местных бытовых праздников, которые в данном районе издавна праздновались в продолжение пяти, семи дней каждый.

Чтобы справить праздник, многие крестьяне продавали последнюю корову, лошадь, овцу и даже все имущество, а после голодали. Не мало было случаев смерти детей вследствие этой послепраздничной голодовки.

Каждое хозяйство ежегодно расходовало на эти праздники в среднем 20—25 рублей, а на все три (косымо-демянский, спасская десятина и по одному празднику в каждой деревне по своему святому и в разное время)—не менее 65—70 рублей. Отдельные же, более щедрые хозяйства расходовали по 100 рублей и более.

Всего в районе укрупненного сельсовета имеется 590 хозяйств. Если допустить, что 10%, т.-е. 60 хозяйств из общего числа, за неимением средств, не участвовало в праздниках, то останется 530 хоз., расходовавших ежегодно только на эти три праздника по всему району не менее 35—40 тысяч рублей, не считая расходов на остальные праздники, как, например, на рождество, пасху и др. Если эти деньги из года в год поступали бы в общественный фонд, то они играли бы весьма большую и важную роль в деле поднятия культурного уровня населения и улучшения сельского хозяйства района.

Леждомский сельсовет начал борьбу с этим злом весьма осторожно. В первую очередь он выдвинул вопрос о необходимости борьбы с хулиганством и дракой, а вопрос о необходимости отмены местных бытовых праздников, как корень этого зла, сам собой встал перед сознанием крестьянской массы. Вопрос ставился и внимательно обсуждался на общем собрании населения каждой деревни.

О том, какой был подход у сельского совета, как проводилась кампания, и как к этому вопросу относилась сама крестьянская масса, лучше всего говорят постановления деревенских сходов. Они составлялись

¹⁾ Все протоколы имеются в архиве Леждомского сельсовета.

самими присутствующими, выражены простыми фразами и представляют собою подлинные взгляды и убеждения крестьян всего района, изложенные в документах.

Крестьяне деревни Черняевой на своем общем собрании постановили: „Желаем праздновать без пьянства, хулиганства и без скопления пьяной публики“.

Сразу отказаться от всего „неловко“ и „странновато“, но в характер, в порядок празднования вносится весьма существенное изменение: устраняются пьянство и хулиганство. И само собою разумеется, что попу труднее обирать трезвый народ.

Общее собрание крестьян деревень Новгородовой и Алферовой решило:

„В праздник, который мы раньше праздновали, постановим произвести религиозный обряд, но без всякого приглашения гостей из других деревень, и не допускать никакого скопления публики во время бытового нашего праздника“.

Остается праздник, и совершается религиозный обряд, но не приглашаются гости из других деревень.

Аналогично решают вопрос и Савинские: „...в праздник Николая чудотворца 22 мая произвести религиозный обряд без пьянства и хулиганства и без всякого приглашения гостей из других деревень“.

Общее собрание деревни Степановой:

„При проведении бытовых праздников принять зависящие меры против скопления пьяной публики и заносить на черную доску всех граждан, угощающих своих гостей самогоном“.

Каждому предоставляется право действовать по своему усмотрению, но в желаемых для общества рамках. Не подчиняющиеся решению общества предаются общественному позору—заносятся на „черную доску“.

Характерно, что здесь откровенно и прямо предусматривается даже тот напиток, который на деревенских праздниках является главным „двигателем“, т.-е. самогон.

Илюшинские крестьяне:

„...праздник „пречистой“, имеющий быть 15-го июля, не праздновать и не производить ни пьянства, ни хулиганства“.

Праздник отменяется. Одновременно предусматривается возможность допущения нарушения общественной воли отдельными гражданами „по старой привычке“, и в постановлении лишний раз подчеркивается пьянство.

Общее собрание крестьян дер. Анисимовой постановило:

„Бытовой праздник, назначавшийся на 6-е мая в деревне Анисимове, постановили не праздновать“.

Решено коротко, ясно и вполне твердо.

Такие же решительные постановления приняли деревни Филино и Дурово:

„Праздник под названием „Тихвинской“, праздновали 9-го июля, постановили не праздновать“.

„...Праздник под названием „Ильин день“ праздновали 2-го августа—не праздновать“.

Пронинские и Головинские единогласно приняли сходные решения.

„Заслушав доклад секретаря сельсовета тов. Карпова, принимая во внимание преимущества и выгоды уничтожения бытовых праздников, которые приносят большие убытки, и, кроме того, происходят хулиганства, постановили прекратить глупое дело“.

Здесь вопрос обсуждался всесторонне, глубоко и основательно, имелись в виду материальные затраты и др. последствия, и все единогласно пришли к заключению, что все это—„глупое дело“, и что сознательный крестьянин должен от него отказаться.

Такие же решения принимали остальные деревни. После того вопрос этот обсуждался на пленуме сельсовета, который „вменил в обязанность селисполнителям и членам сельсовета под их личную ответственность следить за хулиганством и принять меры к его прекращению“. На помощь призывались все сознательные граждане района. Сам селисполком продолжал все лето упорно наблюдать за выполнением этих постановлений самими деревнями. Крестьяне же, подписав протокол общего собрания деревни, считали, что дали обязательство, которое должны выполнить в точности, и действительно отнеслись к своим решениям серьезно—провели их полностью. Деревни, решившие праздновать праздники, впоследствии увидя, что соседние деревни работают, отказались от своих постановлений и тоже не соблюдали местных бытовых праздников.

Благодаря принятым мерам начинают прекращаться пьянство, хулиганство, драки и хождение по деревням, а в отношении населения к праздникам получился коренной перелом. В течение года во всем районе не было ни одного убийства. Сами крестьяне единодушно признают отмену местных бытовых праздников совершенно правильной, и многие даже поднимают вопрос об отмене и других религиозных праздников.

Быть может, некоторые деревни „кое-какой“ праздник праздновали, и крестьяне варили и пили самогон, однако, все сидели у себя дома спокойно, без хождения толпой в гости, без шума, хулиганства, и праздновался только один день. Сумма, израсходованная при этих условиях по району, ни в коем случае не превышает 4000—5000 рублей.

Умелая инициатива, предприимчивость сельсовета и сознательность самих крестьян дали возможность крестьянину по всему району в один год сэкономить от бытовых праздников более 30000 рублей. Эта экономия на деле оказалась настолько чувствительной, что первым во всей Лежской волости—Леждомский район уже в 1926 г. мог провести землеустроительные работы. Вполне ясно видели, чувствовали и осознали местные крестьяне ту пользу, которую дала им отмена местных бытовых праздников.

После праздника Николы в деревне Савине некоторые крестьяне произвели вычисление, и оказалось, что вся деревня только от одного этого праздника сэкономила более 800 руб. (всего 52 двора).

У крестьянина открылись глаза, и он гордо заявляет:

Бога нет, царя не надо,
Буржуазию долой,—
Наше знамя заалело
Над советскою страной.

Кроме православной церкви, в Лежском районе имеется ряд разных религиозных сект, когда-то имевших большое поле распространения. Главные из них—филипане, понеты, раскольники и поморцы.

Все эти секты имели множество странников и странниц. Основной профессией этих типичных лентяев являлось странствование без удостоверения личности, с „небесным мандатом“. Секрет этого путешествия несложный. Святые отцы и матушки, между прочим, зачастую здоровенные и полного телосложения, являлись руководителями секты и вербовали во-

друг себя членов более состоятельных. Когда завербованный доходит до психического расстройства, он чувствует наитие "духа святого" и передает все свое состояние руководителям секты, а сам "голый, как сокол", с "небесным мандатом" в виде ключа бумаги с "такими-то" рисовками, отправляется путешествовать от "пристани" до "пристани" по всей матушке России. Самому страннику предварительно не сообщается о том, куда он должен в конечном счете прибыть. Указывается только ближайшая "пристань", а оттуда дается дальнейшее направление "святой дороги" и т.д. Так странник и ходил до тех пор, пока не погибал. В случае смерти труп его местные сектанты завертывали в рогожу и тайно хоронили там, где местным властям найти его было трудно. Странникам этим по сектантскому писанию запрещалось иметь при себе светские документы, как являющиеся антихристовой печатью и загораживающие доступ в "царствие небесное".

Выдуманно очень умно. Организована целая грабительская сеть. "Очищенного" посылают по "пристаням", предварительно отобрав удостоверение личности, чтобы следственным органам по смерти странника нельзя было установить его личность. Странник путешествует и умирает, а его имущество, оставленное в секте, пропивается лодырями и лентяями, настоятелями и настоятельницами сект, называвшимися "батюшками" и матушками-богородицами.

Кроме этих "верховных", имелся специальный штат матушек, которые никогда трудом не занимаются, а только вербуют новых членов, ходят к больным и выжимают от верующих все, что возможно. Питаются они теми продуктами, что дают верующие, а эти даяния не малы. Раньше крестьянки возили им много добра: хлеб, одежду, деньги и даже швейные машины и скот.

За последние же годы дела сектантов стали плохи: крестьянин стал сознательнее, перестал им верить и ничего не дает. А там и волостным и волостной комитет крестьянской взаимопомощи вмешиваются в "святые дела" этих дельцов.

В заключение необходимо обратить внимание еще на одну сторону быта Лекской деревни.

Еще до последнего времени в Лекском районе сохранился обычай выкупа невесты "кавалером". Выкуп заключается в том, что кавалер предлагает девушке подружиться с ним, и если она дает согласие, то

молодой человек покупает ровно фунт конфет и передает ей. Если девушка примет их, то этим она отдает себя в полное подчинение ему. Конфетты являются связывающим звеном, знаком подчинения. В случае, если при получении слова согласия от девушки нет возможности купить конфет, и кавалер боится, что до вручения конфет она может раздумать и больше не дать согласия, он не отсрочивает время до покупки конфет, а передает ей прямо деньги на один фунт конфет по средней стоимости.

После этого девушка должна ему подчиняться во всех его материальных требованиях. Первым долгом молодой кавалер потребует от девушки кисет с табаком, деньги на "бутылку", а после на покупки гармонии и на другие надобности. Если у девушки нет средств, она ворует их у родителей. На отказ удовлетворить требование кавалера девушка получает от него удары кулаком или ножом. Часто вынужден бывает вмешиваться в дело отец девушки, который, чтобы уберечь дочь от побоев, выплачивает молодому человеку требуемую им сумму.

Это — следы прошлого, когда в быту мужчина был властелином и повелителем, а женщина — рабыней. Не редки бывали случаи, когда один и тот же кавалер покупал конфетты многим девушкам, от них требовал и получал деньги, а сам ничего не делал и пьянствовал целые дни.

Теперь этот обычай изживается. Девушка получила полную свободу, и в быту она все заметнее и заметнее становится наравне с мужчиной, желая активно участвовать в общественной работе :

Мой милень без мозгов —
 В церкви богу молится.
 Мне ненужно богов,
 Буду комсомолиться.

В комсомолки записалась, —
 Стая изменница,
 Меня дома заругают
 Молодую девушку.

Только "заругают". Пройдет время — и ругать перестанут.

А там, смотришь, и любовь завяжется. Чтобы в любви было взаимное понимание, взаимные интересы, одинаковые политические взгляды, одинаковый уровень развития, комсомолец женится на комсомолке :

Заплетет миляшка косу,
В косу алые цветы.
Я мальчишка - комсомолец,
Комсомолочка и ты.

Комсомольцев и коммунистов любят не только комсомолки, а даже вся беспартийные крестьянские девушки.

И мы видим, как складываются новые отношения в обрядности при выходе замуж не за комсомольца или коммуниста :

Мой миленький коммунист,
А я беспартийная,
Оттого у нас любовь
Такая незатейная.

Комсомольцев не любила,
Комсомольцев не знала,
А тепере комсомольца
Себе на дом привела.

Комсомолец, как новая культурная сила деревни, создает новый быт, новую жизнь :

Комсомольцев любить,
Надо измениться :
Крест на шею не носить,
Богу не молиться.

Он об"являет настойчивую борьбу прежней небрежности, нечистоте и расхлябанности. Это отлично понимает и поддерживает беспартийная молодежь :

Комсомольца любить -
Надо чище ходить :
Юбочку с оборочкам,
Болосы с кудерочкам.

Идет в комсомол молодая, лучшая сила деревни. Работая в комнате длинные зимние вечера и перебирая поочередно всех молодых парней, девуш-

ии приходят к выводу :

Я на беленьком платочке
Вышивала кольцами,
Все хорошие ребята
Стали комсомольцами.

Девушки начинают понимать значение быть
женой комсомольца :

Мой миленький — комсомолец,
Комсомолкой быть хочу;
Говорил он мне сегодня:
Ленинизму научу.

Девушка рвется к знанию, желая получить
его через комсомольскую организацию. Вместе с
тем мы видим, что девушка начинает доходить
до понимания современных социальных отношений
деревни.

Не хочу за Кольку замуж,
Не хочу жить с кулаком.
Распишуся в исполтоме
С Ваней, честным бедняком.

Но дикое прошлое еще темной тучей окуты-
вает обыденную жизнь, хотя туча сдвинулась с
места и медленно, но безостановочно расходуется.
Новая, активная общественная жизнь пробивает
себе дорогу. Выступает и новый быт. Умирает
старое, исчезают дичость и невежество, и новой
неудержимой силой вырастают новый, свободный и
культурный быт, новая жизнь легкой деревни.
